

Цензор Чжан всегда больше всех не выносил, когда князь Цинь подвергался несправедливости, и в речах неизменно его защищал. Старейшина Сун, наблюдая за его выражением лица, испытывал некоторую неловкость и услышал вопрос:

— Так на этот раз тебя отверг сам князь Цинь?

Старейшина Сун кивнул и, видя, что тот не собирается его яростно осуждать, продолжил:

— Дело не в самом отказе, а в том, что потом император сказал мне кое-что.

Остальные тут же спросили:

— Что же сказал император?

— Император сказал, что я думаю лишь о своём, не учитывая чувств князя Циня.

Цензор Чжан нахмурил брови:

— Что же ты такое сделал?

— Э... — Старейшина Сун произнёс:

— Я... под предлогом дарения музыкантов князю Циню хотел пополнить императорский гарем?

Цензор Чжан: [...]

— Император спросил, что подумает князь Цинь, если узнает о моих истинных намерениях.

Цензор Чжан не понимал:

— Что он может подумать? Да что угодно! Разве князь Цинь не знал уже давно, что ты хочешь подsunуть императору наложниц? — Князь Цинь не был мелочным, чтобы из-за таких пустяков затаить обиду.

— Э-э. — Старейшина Сун на мгновение задумался. Слова цензора Чжана, казалось, имели смысл. — Император ещё спросил, какие мысли будут у тех музыкантов, что останутся в поместье князя Циня?

Цензор Чжан ответил не задумываясь:

— Какие ещё мысли? Разве ты не проинструктировал этих музыкантов? К тому же, если их выберет император, они будут подчиняться ему и дворцовым правилам, а если не выберет — то какие у них шансы на возвышение?

Старейшина Сун продолжил пересказывать слова императора:

— Император также сказал: если он действительно обратит внимание на какого-то музыканта, как на это посмотрят другие и как тогда князю Циню себя вести?

Цензор Чжан счёл это нелепым:

— Как посмотрят? Как на доброе дело? Это же не император заметил жену князя Циня! Какая тут может быть проблема с тем, как себя вести?

Старейшина Сун, кажется, уже начинал что-то понимать. Он озвучил и последний вопрос императора:

— Молва страшна. Если поползут слухи, порочащие князя Циня, что тогда делать?

Цензор Чжан на мгновение задумался:

— Слухи? Какие именно порочащие слухи?

Насколько плохо может быть?

Цензор Чжан поразмыслил и пришёл к самому худшему, что могла нарисовать его фантазия, затем медленно произнёс:

— Что князь Цинь со злым умыслом подсунул императору людей? Но это же даже хорошо...

Старейшина Сун: [...] Постепенно прозревал.

— Император... Он просто... не хочет иметь ничего общего с делами гарема?

Старейшина Сун глубоко осознал, почему всякий раз, когда требовалось подать императору увещание, это делал именно цензор Чжан.

Старейшина Сун:

— Эх...

Цензор Чжан тоже всё понял и громко рассмеялся над старейшиной Суном. Все вновь принялись болтать и смеяться, а вскоре разошлись, готовясь вернуться в свои усадьбы. Старый наставник Хуа и старейшина Сун ушли первыми.

Старый наставник Чжун был незаметно задержан цензором Чжаном, чтобы уйти последним. Когда двое других удалились, цензор Чжан наедине спросил старого наставника Чжуна.

— Наставник не желает с нами откровенничать, значит, у тебя на сердце есть что-то, о чём ты не можешь нам сказать. Я не стану тебя принуждать. — Цензор Чжан сказал:

— Я задам лишь один вопрос. Ответь мне кивком или покачиванием головы.

Не дав старому наставнику Чжуну возможности отказаться, он сразу же понизил голос и спросил:

— Император... он что, не способен?

Прогресс

Разве это не бордель?

У цензора Чжана были причины так думать, это не было пустой выдумкой.

Скажите, ради чего они со старейшиной Суном так старались?

Даже если бы император был равнодушен, он мог бы просто выбрать кого-нибудь, поселить во дворце и навещать раз в десять-пятнадцать дней — и они бы не возражали.

Но император наотрез отказывался. В его дворце даже нет красивых служанок, и ни к одной девушке он не проявлял особого интереса. Он даже не пытался их успокоить.

Как это можно объяснить?

Раньше цензор Чжан подозревал, что в последние годы правления покойного императора, когда тот впал в разврат, во дворце произошло нечто, что заставило нынешнего императора испытывать глубокое отвращение к подобным вещам.

Однако, если разобраться, это не слишком логично. Император с рождения был объявлен наследным принцем и довольно рано переехал в Восточный дворец. Кроме того, если считать по годам: от совершеннолетия императора до кончины прежней императрицы и начала бесчинств покойного императора прошло целых три года — и всё это время рядом с императором тоже никого не было.

Если проблема и есть, то, скорее всего, она была всегда.

Говорят, в тот день, когда старый наставник Чжун беседовал с императором, они прекрасно поладили. Но император вряд ли стал бы говорить наставнику о своём намерении взять супругу. Цензор Чжан, после неоднократных расспросов и размышлений, пришёл к выводу, что самое вероятное объяснение — старый наставник Чжун просто притворялся весёлым.

Следовательно, самое разумное объяснение — император в этом плане неспособен!

Императору стыдно в этом признаться, но как только во дворце появятся женщины, об этом станет известно.

Старый наставник Чжун, дабы сохранить достоинство Сына Неба, вынужден хранить молчание. Никакой радостной беседы не было — была лишь вынужденная улыбка.

Император — мудрый правитель, это очевидно для всего двора и страны. Неспособность иметь собственных детей — сущая мелочь по сравнению с его усердием в управлении государством. Если не может рожать — можно усыновить.

Цензор Чжан хотел докопаться до сути не из-за желания проникнуть в личную жизнь императора. Просто, если его догадка окажется ложной — ничего страшного.

А если его догадка верна, и император стыдится говорить об этом, то они, как верные слуги, должны разделить заботы своего государя.

— Так ли это? — Цензор Чжан тихо повторил вопрос и, опасаясь, что тот не ответит, добавил:

— Обещаю, задам только этот вопрос. Тебе нужно лишь ответить «да» или «нет». Больше ни о чём спрашивать не стану.

Хотя, казалось, после ответа и спрашивать больше было не о чём.

Вот до чего додумался цензор Чжан...

Старый наставник Чжун никак не ожидал такого вопроса, и выражение его лица на мгновение стало крайне странным.

Цензор Чжан же не видел изъянов в своей логике:

— Кивнёшь или покачаешь головой?

Как он пришёл к такому выводу?! Старый наставник Чжун поспешил пресечь его нелепые домыслы:

— Нет, не выдумывай, разве такое возможно!

Старый наставник Чжун принялся яростно отрицать, опасаясь, как бы тот не нафантазировал чего пострашнее:

— Здоровье императора в порядке, не выдумывай!

Цензор Чжан:

— О... Нет? — А он-то думал, что странная мина наставника вызвана тем, что он попал в точку.

Старый наставник Чжун: [...] И почему в твоём голосе звучит разочарование?!

Когда старый наставник Чжун попрощался и уже собирался сесть в карету, цензор Чжан вдруг снова спросил:

— Ты точно не покрываешь...?

Старый наставник Чжун:

— Нет! — Если бы не тысяча наказов императора и его собственная клятва перед тронем не разглашать ни единого слова, он бы сейчас же выложил цензору Чжану всю правду.

Цензор Чжан:

— О...

Се Юаньши уже давно подумывал спросить у цензора Чжана, не возьмёт ли он Ся Пэя в ученики. До того как попасть к нему, Ся Пэй почти не учился, но после переезда в усадьбу какое-то время занимался с детьми дядюшки Лю — выучил иероглифы, немного читал классические труды.

Он спросил мнение Ся Пэя, и тот поначалу очень удивился:

— Господин, ты что, меня больше не хочешь?

Се Юаньши, конечно, не это имел в виду. Он считал, что у Ся Пэя есть способности к учёбе, и если тот сосредоточится и поднажмёт, это пойдёт ему на пользу.

Ся Пэй, увидев, что Се Юаньши говорит серьёзно, тоже задумался над этим вопросом.

— Я слишком мало читал, господин. Цензор Чжан — ведь это министр цензоров! Пусть я и презираю Чжао Цзе, но когда тот стал учеником цензора Чжана, он уже был цзиньши.

Чтобы сдать экзамены на цзиньши, сколько нужно было корпеть над книгами! Ся Пэй и сам чувствовал, что его отрывочные знания, впитавшиеся сегодня, к завтрашнему дню могут уже испариться. Где уж ему тягаться!

Се Юаньши:

— Поэтому я и говорю: не знаю, согласится ли цензор Чжан. Если согласится — будешь учиться у него. Если нет — найду тебе другого наставника. Всё зависит от твоего собственного желания.

Ся Пэй сомневался в себе, полагая, что, возможно, лучше сразу найти другого учителя, но после колебаний проглотил эти слова. Раз уж господин так о нём позаботился — почему бы не попробовать? Кожа целее не станет.

Эх... Да будь она неладна, эта кожа.

Цензор Чжан не отказал, но и не согласился сразу. Он занимал высокий пост при дворе, и множество дел не позволяло ему полностью сосредоточиться на чём-то одном. Князь Цинь редко обращался к нему с просьбами, и если уж взялся — нужно сделать хорошо. Следовало взвесить, справится ли он, прежде чем давать согласие, чтобы не подвести юношу.

Цензор Чжан сказал, что даст Ся Пэю несколько заданий и по результатам их выполнения примет решение.

[Авторских примечаний нет]

<http://bllate.org/book/16209/1455069>